

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья
УДК 177:179
doi: 10.18522/2070-1403-2025-114-1-2-9

ТРАНСГРЕССИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА

© *Ольга Андреевна Голубева*

*Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Ростов-на-Дону, Россия
Olya-gol@yandex.ru*

Аннотация. Изучается трансгрессия как универсальное свойство человеческой природы и культуры, обусловленной ее эволюцией. Смысловые, ценностные контуры, причины и формы проявления трансгрессии, рассматриваются с учетом базового для философской антропологии разграничения свободы и необходимости, природного и социального, определенного и беспредельного. Раскрываются внутренние противоречия культурно-исторически обусловленной трансгрессии, которая не только выявляет специфику проявления свободы воли, но и ограниченный, относительный характер самих норм и границ, складывающихся в жизни индивида и общества. Показано, что данные противоречия в современном мире приводят к рассогласованию моральных и юридических способов воздействия на трансгрессию, в зазоре которых нередко выявляются скрытые мотивы или интересы отдельных субъектов или групп влияния.

Ключевые слова: свобода воли, необходимость, преступление, трансгрессия, мораль, право, граница, модерн, постмодерн.

Для цитирования: Голубева О.А. Трансгрессия как универсальная способность человека // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 114. № 1. С. 2-9. doi: 10.18522/2070-1403-2025-114-1-2-9

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

Transgression as a universal human ability

© *Olga A. Golubeva*

*Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don,
Russian Federation
Olya-gol@yandex.ru*

Abstract. The article examines transgression as a universal property of human nature and culture, conditioned by its evolution. Semantic, value contours, causes and forms of transgression are considered taking into account the distinction between freedom and necessity, natural and social, definite and boundless, which is basic for philosophical anthropology. The article reveals the internal contradictions of culturally and historically conditioned transgression, which not only reveals the specifics of the manifestation of free will, but also the limited, relative nature of the norms and boundaries themselves that develop in the life of an individual and society. It is shown that these contradictions in the modern world lead to a mismatch of moral and legal ways of influencing transgression, in the gap of which the hidden motives or interests of individual subjects or groups of influence are often revealed.

Key words: free will, necessity, crime, transgression, morality, law, border, modernity, postmodernity.

For citation: Golubeva O.A. Transgression as a universal human ability. *The Humanities and Social Sciences*. 2026. Vol. 114. No 1. P. 2-9. doi: 10.18522/2070-1403-2025-114-1-2-9

Введение

Цель статьи – рассмотреть в антрополого-культурологическом аспекте феномен трансгрессии, лежащей в основе целого ряда разнородных человеческих проявлений. Мы берем это слово в его прямом и непосредственном смысле: «ТРАНСГРЕССИЯ, и, мн. нет, ж. [латин. Transgressio] – переход за какую-н. границу» [12].

В современных теоретических штудиях разговор о трансгрессии чаще всего ведется в контексте постмодернистских изысканий, чему посвящены работы таких авторов, как С.М. Каштанова [7] и А.С. Большакова [2]. В этом случае трансгрессия видится прежде всего как метафизическая процедура перехода между эмпирическим миром и гипотетическими иными измерениями реальности, как некое напряжение в стремлении вырваться за границы повседневного. И хотя С.М. Каштанова в своем объемном исследовании затрагивает и другие смыслы понятия трансгрессии, доминирует все же пафос встречи с запредельным.

Нам же в данном случае интересна сугубо социальная и культурная тематика, актуальность которой связана с темой проступка и преступления, с представлением о пренебрежении нормами и прорывами в познании. Хорошо пишет о трансгрессии Н. Лафицкая, которая одновременно обобщает выводы постмодернистов и проявляет их вполне земной смысл: «Термин трансгрессия достаточно новый термин, (мы говорим уже о ментальной норме) согласно словарю “большая история философии”, он является одним из ключевых понятий постмодернизма, фиксирующее феномен перехода непроходимой границы, и прежде всего – границы между возможным и невозможным: “трансгрессия – это жест, который обращен на предел” (Фуко), “преодоление непреодолимого предела” (М. Бланшо). Согласно концепции трансгрессии, мир налично данного, очерчивая сферу известного человеку возможного, замыкает его в своих границах, пресекая для него какую бы то ни было перспективу новизны.

Этот обжитой и привычный отрезок истории лишь длит и множит уже известное; в этом контексте трансгрессии – это невозможный (если оставаться в данной системе отсчета) выход за его пределы, прорыв того, кто принадлежит наличному, вовне его. Однако “универсальный человек, вечный, все время совершающий себя и все время совершенный” не может остановиться на этом рубеже (Бланшо)» [8]. То есть трансгрессия – это переход границ, скачок через запрет, отказ от обусловленности нормой.

Мы прибегаем к термину «трансгрессия», а не к терминам «девиация» или «делинквентность», потому что его смысл шире. Слово «девиация» несет оттенок патологии, а «делинквентность» в большей степени относится к нарушению правовых и моральных норм. Трансгрессия по отношению к ним – родовое понятие. Исходя из такой концептуально-методологической платформы, обратимся к тому, как трансгрессия, предполагающая преодоление *любых границ*, связана с человеческой свободой и какие социокультурные формы способна принимать.

Обсуждение

Говоря о свободе, мы не будем отличать ее от «свободы воли». На наш взгляд, это единый феномен, который выражается в том, что человек способен поступать по собственному почину, а не под давлением внешней необходимости (принуждения, ограничения) или внутренней необходимости (по принципу «не могу иначе»). Мы солидарны со следующим определением: «Свобода воли – способность человека к самоопределению в своих действиях» [5, с. 881]. Таким образом, свобода проявляется в выборе, который реализуется в условиях некоторой необходимости, так или иначе служащей рамкой возможного поведения. То есть рамки существуют изначально. И в этом смысле нет никакой «абсолютной свободы», которая в полной пустоте и с бесконечным кругом возможностей позволяла бы индивидам воплощать свои стремления и фантазии без оглядки на наличные ограничения.

Наличие рамок (границ) человеческой свободы и ее исходно зависимый характер очевидны на примере отношений с природой. Человек хотел бы взлететь без крыльев и технических приспособлений, но это невозможно. Он желал бы выпить море, но это нереально. Люди всю историю человечества мечтают жить вечно и не умирать – но так не получается. Мы можем существовать лишь при определенной температуре, дышать воздухом определенного качества, вынуждены искать воду и пропитание. Природа ставит человеку границы повсюду. И в этом смысле *история культуры – это постоянная трансгрессия за пределы естественных ограничений*. Способность выбирать (свобода воли) создает для нас возможности не следовать только биологическому инстинкту, не жить в узком коридоре, данного

природой, а постоянно раздвигать границы «невозможного» – преодолевать их с помощью орудий труда и коллективности.

В то же время *мы можем раздвигать пределы своих возможностей, но не можем нарушать законы природы*. Нарушение этих законов больно бьет по самому человеку. Неверное обращение с веществами порождает взрывы, неправильно смонтированные крылья заставляют самолет падать, нарушение окружающей среды чревато экологической катастрофой. Природа, образно говоря, строго охраняет свои границы. И оказывается, что стремление человека действовать согласно собственным целям, мечтам и планам четко контролируется природными законами, через которые невозможно переступить. Свобода, пренебрегающая законами природы, ее объективные запреты в реальной жизни бывает мгновенно наказана и возможна только в сказках о волшебниках и магах. В религиозной версии мировоззрения очень долго считалось, что дерзких и непокорных «нарушителей границ» наказывают Боги или Бог. И наказывают именно за нарушение мирового порядка, за стремление «прыгнуть через запрет», который, согласно этой версии мира, дан свыше.

Несколько иная ситуация складывается в культуре и обществе. Из обычного опыта люди знают, что сообщество, к которому они принадлежат, руководствуется рядом установлений, и их запрещено нарушать. В ходе воспитания ребенка ему внушаются правила поведения: здесь есть запреты, повеления, ограничения. Есть то, что строго табуируется, есть вмененные ритуалы и этикетные моменты, есть нормы для принятия пищи, одежды, отношений со старшими и младшими родственниками, алгоритмы, связанные с трудом, воинским поведением, деторождением. Кроме обычного опыта, в ходе истории западной культуры возникает *социология*, которая описывает и анализирует существование в социуме устойчивых границ, рождающихся их коммуникации и функционирования сообщества. В трудах Э. Дюркгейма [4], М. Вебера [3], Г. Зиммеля [6], А. Шюца [13] и др. мы встречаемся с анализом того, как именно складываются нормы и ценности социума, что представляют собой фоновые ожидания в отношении конкретных социальных ролей, чем являются сами эти роли. Нормативные поведенческие границы, суживающие пространство действия людей, в особенности в традиционном обществе, могут столетиями воспроизводиться без особых изменений.

Эти границы, созданные социокультурными установлениями, по существу, тоже вменены как необходимые и принудительные. «Абсолютность, с которой паттерны общества предстают перед ребенком, базируется на двух очень простых фактах – сильной власти взрослых в этой ситуации и игнорировании ребенком альтернативных паттернов» – отмечают П.Л. Бергер и Б. Бергер [1, с. 76]. В то же время запреты и поведения общества в силу своей *коммуникативной природы* включают в себя моменты *изменчивости, условности, вариативности, договоренности*. Они предполагают как наличие привычки, так и сознательное «согласие свободы» на соблюдение общепринятых правил.

Правила, сужающие и расширяющие возможность вести себя определенным образом, меняются в зависимости от возраста и статуса членов общества, от изменений в самом сообществе, от влияния внешних факторов, при контакте с другими значимыми группами, от которых перенимаются новые паттерны поведения. Свобода воли и способность «поступать иначе» проявляется и в вариативности исполнения правил, норм и ритуалов. С возникновением *классового общества* нормы и границы свободы для разных групп населения *оказываются разными*, что способно вызывать отторжение, возмущение, зависть, ненависть и бунт против неравенства, что побуждает «трансгрессировать через установленные границы».

Появление юридически оформленных законов, с одной стороны, устанавливает «букву закона», то есть уменьшает возможность выходить за пределы письменно обозначенного, а с другой – создает шансы для бесконечного толкования тех ограничений, которые выражены в слове. В любом случае сама *вероятностная природа* социальных отношений как бы располагает к возможности перешагивания через запрет, потому что подвижные исторические обстоятельства, меняя условия жизни, провоцирует людей к *проявлению свободы воли*. В ланд-

шафте культуры, который постоянно флуктуирует, приспособление к новым обстоятельствам открывает множество путей для достижения собственных целей с помощью *игнорирования прежних границ* или умения *прорваться через них*.

В индустриальную и постиндустриальную эпоху, которые характеризуются повышенной динамикой по сравнению с прошлым, игнорирование установленных социальных границ, переступание через них становится более массовым и интенсивным. С разрушением общинных отношений, в рамках которых устанавливались строгие правила, степень поведенческой свободы возрастает, а юридические законы во многих случаях не охватывают всех форм поведения. Вера, тесно связанная с моралью, создающей внутренние повеления и запреты, в век секуляризации отступает, оставляя человека с его свободой воли, остающейся без ориентиров. Здесь уже происходит во многих случаях не переступание через запрет, а постепенно *таяние самих запретов*, их трансформация. Способность людей действовать свободно и не оставаться в заданных границах оборачивается против них самих, потому что свобода, как ни посмотри, предполагает необходимость. Собственно, в этом случае, в XX в., и начинается акцентирование внимания на трансгрессии как «выходе за пределы мира повседневного опыта», потому что кажется, что никаких границ в эмпирической социальной реальности не остается. Разумеется, это иллюзия, просто на месте старых пределов возникают новые.

Обратимся к тому, как именно трансгрессия проявляет себя в качестве универсальной способности человеческой свободы. Поскольку в жизни общества и культуры можно условно выделить множество сфер, разумеется, тесно связанных между собой, постольку существует много норм, общепринятых стереотипов, лекал действия, за пределы которых можно выходить. Всякий такой выход является определенным нарушением сложившегося порядка, он затрагивает интересы людей, соблюдающих наличные границы и тех, кто эти границы поддерживает либо создает. Любая трансгрессия вносит в нарушаемую сферу более или менее значительные изменения, создавая пример (прецедент) того, что поступать и действовать можно иначе, чем положено по общепринятым правилам. Свободная воля, если нарушение намеренное, а не случайное, торпедирует существующие ограничения, игнорирует явные и латентные договоренности. Можно сказать, что трансгрессия – *динамическое начало*, хотя характер этой динамики может быть разным: как полезным, так и вредным.

В экономической сфере трансгрессия выражается в отказе от старых форм производства и хозяйствования, распределения и обмена благ. Переход развитых стран от индустриального к постиндустриальному способу производства, активное использование информационных средств, автоматизации, робототехники были прорывом прежних пределов и разрывом со старыми способами и правилами действия. Тема этого трансгрессивного прорыва являлась в течение ряда десятилетий предметом особой рефлексии и прогнозирования [11]. В плане изменения ведущих субъектов экономической деятельности восхождение буржуазии в Новое время было мощной экономической трансгрессией, когда по способу действия и по богатству буржуа-наториши стали обгонять прежнюю экономическую и политическую элиту – феодалов и придворных. В наши дни мощным трансгрессивным процессом стал переход на электронные формы денег и пластиковые карты, что нарушило тысячелетнюю традицию предметно-вещественной выраженности средств обмена, которые теперь сохраняют собственно-символическую форму.

В области политики радикальную трансгрессию осуществляют все бунтовщики и революционеры. Их задача – не просто выход за прежние нормы и границы, но разрушение того порядка вещей и тех традиций, которые они считают вредными и отжившими. Ранее незбылемые, а порой и священные установления подвергаются деструкции, все границы дозволенного смещаются. На некоторое время могут возобладать анархия и хаос. Однако любой социально-политический переворот вскоре выстраивает новые границы и новый порядок, в рамках которых может действовать свободная воля граждан. Это очевидно и на примере Октябрьской революции 1917 г., и на контрреволюции 1991 г.: в обоих случаях старые нор-

мы и пределы были преодолены, однако тут же стали возникать новые – иные по качеству и по ценностным ориентирам. Не всегда можно адекватно оценить (особенно в актуальном времени), является ли политическая трансгрессия позитивной или негативной, это зависит от понимания вектора прогресса. Стоит подчеркнуть, что радикальные политические и экономические реформы тоже выступают как преодоление прежних границ, причем нередко таких границ, которые представлялись «идущими издревле» и незыблемыми.

В религиозной сфере трансгрессивными выступают как спонтанные появления новых пророков, так и активная миссионерская деятельность. Появление таких фигур, как Христос или Будда, кладет конец прежним ценностным и моральным представлениям, которые господствовали в обществе. Культура перешагивает через старые убеждения и верования, оставляет их позади и устанавливает новые критерии того, что «хорошо», а что – «плохо». Авторы, исследующие христианство с опорой на современные интерпретации, могут давать рождению этой религии весьма радикальные оценки.

Так, Е.А. Нагорнова отмечает: «Социализм и христианство стоят под знаком великого события/истины, отныне структурирующих субъекта. При этом революционность христианства начинает проявляться только с апостола Павла. Анализируя творчество левого итальянского режиссера П. Пазолини, А. Бадью отмечает: «По версии Пазолини, Павел желает по-революционному разрушить модель общества, основанного на социальном неравенстве, империализме и рабстве. Он наделен священной волей к разрушению» ... Согласно А. Бадью, «для Павла, как и для тех, кто думает, что революция есть самодостаточное следствие политической истины, Христос – это пришествие, он тот, кто упраздняет прежний режим дискурсов. Христос в себе и для себя представляет пришедшее» [10]. Однако и распространение среди других народов не присущей им прежде религии также выступает как «переход границ», при котором отменяются чужие «инаковые» регулятивы и картина мира.

Юридическая сфера – сфера писаного закона. Отметим, что в наши дни юридической регуляцией широко охвачена и политика, и экономика, и религиозные отношения, и повседневная жизнь. Трансгрессия в юридической области – игнорирование закона, пренебрежение отмеченными в нем границы, называется *преступлением* или в более широком варианте – правонарушением. Исследователь данных признаков Г.А. Майстренко, пишет: «...деяние тогда является преступлением, если оно противоправно, опасно и наказуемо; преступление является одной из составных частей понятия правонарушения. Правонарушение – противоправное виновное деяние лица, имеющее общественно опасный характер, посягающее на установленный порядок общественных отношений, противоправное, виновное действие или бездействие субъектов права» [9]. То есть речь идет об опасном нарушении порядка. Впрочем, трансгрессией в рамках правоотношений можно назвать и пересмотр законов, что провоцирует обычно сложные социальные последствия.

Трансгрессия может также быть рассмотрена в сфере морали, в области познавательной и инженерной, применительно к канонам художественного творчества. Ее вполне допустимо изучать и исходя из специфики и размеров группы, устои которой так или иначе нарушаются: трансгрессия границ поведения в семье, в учебном или служебном коллективе, нарушение поведенческих рамок, характерных для национального характера и т.д. Однако мы хотели бы сейчас обратить внимание на качественные характеристики трансгрессии или, говоря другими словами, «переступания» тех границ, которые полагались непреодолимыми и не подлежащими нарушению. Иначе говоря, к чему ведет трансгрессия, результат свободного волеизъявления? Каковы ее плоды? Они полезны или вредны?

Прежде всего трансгрессия выглядит как *разрушительная акция*. И это действительно так: она сокрушает имеющуюся упорядоченность жизни, ставит под вопрос нормы и правила поведения и восприятия, ориентации и оценки. Всегда ли нарушенные границы были отжившими? Далеко не всегда. Так, уголовная преступность постоянно вмешивается в действие юридических законов, лишает честных граждан покоя, ставит под удар человеческие жизни, делает невинных людей несчастными. Тот, кто преступает гуманистические законы и прави-

ла морали, выступает как преступник в худшем смысле слова, он приносит окружающим неоспоримый вред. Здесь нет никакого прогресса, движения вперед или избавления от отживших форм.

В то же время трансгрессия, связанная с любого рода развитием, увеличением благ и их справедливым распределением может считаться *творческой*. Способность свободы получает здесь позитивное воплощение, на месте отжившего порядка она возводит новый, более гармоничный. В культуре циклы устойчивости сменяются циклами изменчивости, старые нормы, стереотипы и правила оказываются не просто давними, но в полном смысле слова устаревшими, тормозящими дальнейшее развитие человеческих сил. Тогда получается, что «переход через границы» – это благо.

Однако на самом деле можно предположить, что многие трансгрессивные акты, свободные повороты в прежде непредвиденную сторону являются *и разрушительными, и созидательными, и вредными, и полезными*. И главный вопрос, который тут возникает: *для кого?* Иначе говоря, чьи запреты и нормы нарушены? Кто стоит или стоял во главе нарушаемого порядка? Кто выступает субъектом осуждения конкретного трансгрессивного поведения? Кто и с какими целями желает восстановить тот нормативный строй, который оказался потеснен под ударами одной человеческой воли или совокупности волей? Все размышления такого рода заставляют нас видеть оценку трансгрессии как субъективную, *возможно, конвенциональную, исторически конкретную и контекстуальную*. И это понимание вызывает больше вопросов, чем ответов.

Сам принятый социокультурный порядок смотрится тогда не как монолит, но как текущая река. Другой вопрос, что река эта иногда течет очень медленно, веками и тысячелетиями, а иногда чрезвычайно быстро, и серия трансгрессий, следующие одна за другой, быстро уносят то, что представлялось незыблемым. Кроме того, установленный порядок одновременно выглядит не как единство, а как конгломерат активных, подвижных, противостоящих друг другу интересов и волей. Эти воли, представляющие разные социальные группы, находятся в конфликте: иногда на базе общих ценностей, а иногда, напротив, на основании разных предпочтений.

Но так или иначе, некий переход социокультурных границ они будут оценивать по-разному: одним он придется по вкусу и по интересам, а для других будет разрушением их жизни, их благополучия и судьбы. В этом смысле то, что для одних явится преступлением (правовым или моральным) для других может оказаться шансом улучшения жизни, как мы видим это при революционных преобразованиях и радикальных реформах. Хотя, конечно, трудно избежать вопроса о том, существуют ли некие универсальные критерии, позволяющие оценивать переход нормативных границ как позитивный или негативный в общечеловеческом смысле. Но это уже тема другой статьи.

Выводы

Наш анализ позволил установить, что:

- трансгрессия, понятая как переход границ, казавшихся незыблемыми, является универсальной характеристикой человека и культуры и присутствует во всех основных сферах человеческой жизни;
- трансгрессия является неотъемлемым свойством человеческой свободы воли, она проявляется и в отношениях с природой, и в социокультурных отношениях, но вероятностные и подвижные законы человеческого общества дают больше простора для «преодоления границ», сложившихся в социуме, здесь «проще нарушать»;
- оценка нарушения нормативных границ общества и культуры является подвижной, изменчивой во времени, а также зависит от интересов групп, жизни которых коснулись акты трансгрессии. Переступание через нормы, доньше, казалось бы, общепризнанные, одним людям представится преступлением, достойным осуждения, а для других обернется путем развития.

Список источников

1. Бергер П.Л., Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология М.: Академический проект, 2020. 608 с.
2. Большакова А.С. Трансгрессия // The Scientific Heritage. 2021. № 75-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transgressiya-2> (дата обращения 18.06.2025).
3. Вебер М. Понимающая социология. М.: АСТ, 2021. 530 с.
4. Дюркгейм Э., Гофман А. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. 4-е изд. М.: Юрайт, 2019. 309 с.
5. Ждановский А.П. Свобода воли // Новейший философский словарь. Минск: Интерпрес-сервис, Книжный дом, 2001. С. 881–882.
6. Зиммель Г. Избранное. Т. 1. М.: Юрист, 1996. 667 с.
7. Каштанова С.М. Трансгрессия как социально-философское понятие // Дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. СПб., 2016. – URL: <https://www.dissercat.com/content/transgressiya-kak-sotsialno-filosofskoe-ponyatie> (дата обращения 29.08.2025).
8. Лафицкая Н. Трансгрессия как этическая основа психотерапии. – URL: <https://proza.ru/2013/08/04/93> (дата обращения 29.08.2025).
9. Майстренко Г.А. Понятие и признаки преступления по российскому уголовному законодательству // Образование и право. 2017. № 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-prestupleniya-po-rossiyskomu-ugolovnomu-zakonodatelstvu-1> (дата обращения 19.06.2025).
10. Нагорнов Е.А. Революционный потенциал христианства // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. 2017. № 1-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsionnyu-potentsial-hristianstva> (дата обращения 19.06.2025).
11. Нейсбит Дж. Мегатренды. М.: АСТ, Ермак, 2003. 380 с.
12. Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. М., 1940. – URL: <https://febweb.ru/feb/ushakov/ush-abc/19/us477211.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения 21.08.2025).
13. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

References

1. Berger P.L., Berger B. Sociology: Biographical approach // Personality-oriented sociology M.: Academic project, 2020. 608 p.
2. Bolshakova A.S. Transgression // The Scientific Heritage. 2021. № 75-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transgressiya-2> (accessed 18.06.2025).
3. Weber M. Understanding sociology. M.: AST, 2021. 530 p.
4. Durkheim E., Hoffman A. Sociology. Its Subject, Method, Purpose. 4th ed. M.: Yurayt Publ., 2019. 309 p.
5. Zhdanovsky A.P. Freedom of will // The Newest Philosophical Dictionary. Minsk: Interpret-service, Book House, 2001. P. 881–882.
6. Simmel G. Selected Works. Vol. 1. M.: Lawyer, 1996, 667 p.
7. Kashтанова S.M. Transgression as a Socio-Philosophical Concept // PhD thesis, 2016. – URL: <https://www.dissercat.com/content/transgressiya-kak-sotsialno-filosofskoe-ponyatie> (accessed on 29.08.2025).

8. *Lafitskaya N.* Transgression as an ethical basis of psychotherapy. – URL: <https://proza.ru/2013/08/04/93> (accessed 29.08.2025).
9. *Maistrenko G.A.* The concept and signs of a crime under Russian criminal law // Education and Law. 2017. No. 10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-priznaki-prestupleniya-po-rossiyskomu-ugolovnomu-zakonodatelstvu-1> (accessed 19.06.2025).
10. *Nagornov E.A.* The revolutionary potential of Christianity // Science. Mysl: an electronic periodical. 2017. No. 1-3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsionnyy-potentsial-hristianstva> (accessed 19.06.2025).
11. *Naseby J.* Megatrends. M.: AST, Ermak, 2003. 380 p.
12. Explanatory Dictionary of the Russian language. In 4 vol. Vol. 4. M., 1940. – URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/19/us477211.htm?cmd=0&istext=1> (accessed 21.08.2025).
13. *Schutz A.* The semantic structure of the everyday world: Essays on phenomenological Sociology. M.: Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. 336 p.

Статья поступила в редакцию 29.10.2025; одобрена после рецензирования 12.11.2025; принята к публикации 14.11.2025.

The article was submitted 29.10.2025; approved after reviewing 12.11.2025; accepted for publication 14.11.2025.